

СЕРЕНА ВИТАЛИ:

«Терпеть не могу лицемерие!»

Новые известия. — 2005. — 3 февр. — с. 5

КАТЕРИНА НОВИКОВА, Турин

По давней традиции, главная литературная награда Италии — премия Гринцане Кавур — вручается в начале года в Турине. На сей раз это событие неожиданно ознаменовалось триумфом русской литературы. Спецпремию получили Евгений Евтушенко «За популяризацию литературы» и итальянка **Серена Витали**, выпустившая на итальянском языке 33 книги переводов русских поэтов и писателей. Одной из самых значительных ее работ стала книга «Пуговица Пушкина» о последних днях жизни великого поэта. На вопросы «Новых Известий» известная писательница и переводчица ответила сразу по окончании церемонии.

— **У** нас в Италии запретили курить — это отвратительно. Никакой свободы. Я вот, как школьница, украдкой вынуждена курить на бегу. Это вслед за американцами. А я только что приехала из Америки, там в баре попросила коку, и что вы думаете — мне дали кокаин! Прямо в баре. Терпеть не могу лицемерие.

— **Серена, ваша итальянская книга «Пуговица Пушкина» переведена на русский с английского. Как так могло получиться?**

— Я думаю, это мне возмездие за то, что я посмела потревожить тайну смерти Пушкина. Наверное, неслучайно его уход из жизни остался для нас загадкой. И вот моя книга на русском языке появилась за моей спиной, я даже ничего не знала о том, что она издается, и главное, из-за этого испорченного телефона многие места переведены неверно, мои мысли оказались искаженными... Ну что говорить, если в этих текстах даже Вяземский переведен с английского. Это значит, что человеку просто было лень встать и найти оригинальные его тексты, они же все доступны, опубликованы.

Премия за 33 книги переводов с русского.

— А как получилось, что вы занялись этой темой? Вам не было страшно? Ведь как говорят в России: «Пушкин — это наше все». Такое количество русских пушкинистов занимается историей дуэли, и вдруг вы, итальянка, взяли рассказывать об этом по-новому.

— Честно говоря, я не собиралась специально заниматься этой темой. Так получилось, что я издала на Западе переписку Марины Ивановны Цветаевой, когда в России она еще не издавалась. Это была тяжелая, кропотливая работа, приходилось все собирать буквально по крупицам в разных местах, и когда я это закончила, решила, что теперь займусь Пушкиным — про него-то уже все известно, все собрано. А оказалось, что нет.

— **В вашей книге опубликованы письма из архива Геккерена, ранее неизвестные, как вы их нашли?**

— Просто искала. Я всегда и своим ученикам говорю, что главное — это не голова и не рука, а... извините (*Серена довольно выразительно похлопала себя по бедрам*). Потому что работать надо — не лениться. Я стала искать. На Дантеса ничего не могла найти и решила посмотреть на Геккерена. Ведь проблема многих российских пушкинове-

дов в том, что они в плену стереотипов. Многие из них не владели французским языком. Как им было работать с текстами, когда все письма той эпохи написаны именно на французском? Вы бы удивились, узнав, какое количество исследователей только переписывает сказанное ранее, даже не обращаясь к первоисточникам. Но когда я волей случая взялась за эту тему, то, конечно, понимала, какая на мне лежит ответственность. Ведь, например, Ахматова столько передумала и написала о Пушкине, но у нее никогда не было возможности выехать за границу, поработать в зарубежных архивах.

— **Существует мнение, что великие произведения надо заново переводить раз в пятьдесят лет, чтобы текст не устаревал. Вы согласны?**

— Согласна. Незадолго до смерти Бродского повздорила с ним — он утверждал, что нельзя переводить Мандельштама без рифмы. Но в итальянском рифма в поэзии давно отошла, рифмованные стихи выглядят страшным анахронизмом. Хотя, конечно, идеальный перевод, как и гениальный текст, мог бы жить всегда. Иногда переводы стихов приходят ко мне как во сне. И они как-то по-своему соответствуют оригиналу. То есть, конечно, по-другому звучат слова, но, например, коэффициент ударных слогов или цезур сохраняется.

— **Вы приезжали в Россию на какие-либо пушкинские чтения?**

— Нет. Была на набоковских. Я хорошо знала семью Набоковых — Дмитрия Владимировича, Веру... Самого Набокова я не застала, но какой в их доме сохранился потрясающий русский язык! Такого я нигде не слышала. Сейчас, к сожалению, происходят всякие процессы, отрицательно влияющие на состояние языка, — это не только в России, это мировая проблема. Главным средством становится телевидение, ну что я вам буду говорить об уровне большинства передач, о речи, которая там звучит, да и вообще о СМИ? Своих ребят я всегда учу, что для того, чтобы стать хорошим переводчиком, надо в первую очередь великолепно знать родной язык.